

**Алексей
НИХАЁВ**

**СОГЛАСОВАНИЕ
ВРЕМЁН**

Оренбургские
ПОЭТЫ

АЛЕКСЕЙ НИХАЁВ

СОГЛАСОВАНИЕ ВРЕМЁН

Стихи разных лет

**Оренбург
2017**

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Ш 16

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Ш 16

Алексей Нихаёв. Согласование времён. Стихи. –
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2017. – 64 с.

© Алексей Нихаёв, стихи, 2017 г.
© Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, серия, 2017 г.

* * *

**Будто зернышко на грядку,
Превратившись там в словечко,
Забралось в мою тетрадку
Карандашное сердечко.**

**Верит в то, что между строчек
Прорасти оно сумеет.
Вспыхнет аленький цветочек.
И кого-нибудь согреет.**

ЕСЛИ СПАСЁМ

Про дом отцовский

И кто здесь только не был на ночлеге,
В домишке на окраине села!
Кого зима бураном не мела...
А летом тарахтели здесь телеги.
– Попить водичка есть? Ряхмят, бала!*
Зимой возницам – угол. Не полати.
(А впрочем, как на это посмотреть...)
Лошадкам – у сарайчиков поветь.
Мне нравилось, как в нашей теплой хате
Оттаивали шубы, души, снедь.
Той круговерти в хате нету больше,
Но поминают старую добром.
И видел я, как в небушке ночном
Берет за ручку кто-то звездный ковшик
И поливает крышу серебром.
А если в тихий день остановиться
У этой, самой близкой мне из хат?
Я был бы очень, очень-очень рад,
Когда б услышал, как бабай-возница,
Глотнув воды, шепнет: «Бала, ряхмят...»

* * *

Свет счастья в песне жаворонка.
Какой восторженный мотив!
Мол, здравствуй, милая сторонка,
Вот, прилетел, здоров и жив.

Как паучок на паутинке,
На ярком лучике повис
И в зажигательной лезгинке
Взметнулся в птичий парадиз.

Привет, привет, коровье стадо!
Ну как? Захватывает дух?
Не удержать! Как воле радо!
Охрип старательный пастух.

Кнутом подпасок воздух хлещет –
Счастливый: лето впереди!
А песня крыльями трепещет,
Как сердце детское в груди.

* Ряхмят, бала (тюркск.) – спасибо, малыш.

Краса степей

Подворья тонут в мареве туманном,
Подрагивает в дымке синий лес.
И вслед за жаворонком покаянно
Душа крылом касается небес.

Коровий караван по гулкой балке
К цветам лугов плывет за молоком.
Стреляет кнут в пастушьей перепалке
С упрямым, забуянившим быком.

Корова сквозь пушистые ресницы,
Шагая сонно, смотрит на восток,
Где в небо, как от сказочной жар-птицы,
Струится золотых лучей поток.

Вид изумрудный в росных самоцветах
Для всех открыт сверкающим ключом.
Лишь разгляди в обыденных рассветах
Красу степей в пути за молоком.

Всё, что Родиной зовут...

В дымке осени печальной
Над жнивьем родной земли
С песней тихой, прощальной
Вдаль поплыли журавли.
В песне с крыльями большими –
Степь в тюльпанах, в звездах пруд.
Птицы, птицы, знаю, с ними –
Всё, что Родиной зовут.
До весны за журавлями
Над селом закрылась дверь.
Крик прощальный над полями
Эхом носится теперь.
Слышу, в общем-то, простое:
По плечу любой маршрут
Тем, которым не пустое
Всё, что Родиной зовут.
Нежность, верность и тревогу
Взяли странники в полет.
То, что в дальнюю дорогу,

В путь обратный позовет.
Жаль, письма с другого света
Нам от тех не принесут,
Без кого неполно это –
Всё, что Родиной зовут.

Стреляйте, белые стволы,
Зеленым в синеву небес!
И за пасхальные столы
Зови, родной широкий лес.

Встречай усталый караван,
Утиный рай – Коровий пруд.
Взлетай над площадью полян
Смелее, сон-травы салют!

Вот, кстати, первая гроза
С деньком безоблачным вразрез.
А вот – любимые глаза.
Прекрасный миг, Христос воскрес!

Дикарка

В незапамятном январе,
С неуклюжим щенком играя,
Я нашел ее у сарая,
Замерзавшую во дворе.
Испугался ее Барбос.
Испугался такой красивой!
Птаху я подобрал и живо
В теплой шапке домой понес.
Дома в блюдце воды налил
И, боясь напугать, украдкой
За красавицей куропаткой
Долго, споря со сном, следил.
Ну откуда мне было знать
Про суровый и дикий норв –
Что не примет он уговоров
Крошки хлебные поклевать?..
Глупый, думал, что кроха спит.
Все ладошкой водил по перьям.

Я не знал, что моим потерям
Горький счет был уже открыт.

Бабушка

Помню тебя, баба Варька-ворчалка:
Руки за прялкой да фартук льняной.
В поле остались цветы с полушалка,
В косы война заплелась сединой.

Баночки, гвоздики, спички и мыло
Строго на ключ укрывала от глаз
Мне на потеху – меня не учила
Жизнь, как тебя, вспоминать про запас.

То, что ты стряпала, пряла, ворчала,
Стало привычкою не замечать.
Понял потом уж, как много не стало
В день, когда ты перестала ворчать.

* * *

В степи, в компании овечьей,
Как в жутком пекле русской бани,
Согласно доле человеческой
Мой дед безропотно чабанил.
Смотрел, как черная овечка
Луч солнца прятала под шубой.
Нагрелась шерсть, свилась в колечко,
Став к сентябрю густой и грубой.
Любовно бабушка кудели
Руна разобранного спряла,
А к дням, когда пришли метели,
Носочки мама мне связала.
Крутя на «плашки» с «калачами»
В порядке пимокатных правил,
Отец – соленый пот ручьями! –
Мне чудо-валеночки справил.
Я лихо штурмовал сугробы,
Потом чилигой бил обузу
И куцее пальтишко, чтобы
Прогнать злокозненную стужу.
Не брал меня мороз трескучий,
Не брал, хоть верьте – хоть не верьте –

Грел руки-ноги солнца лучик,
Сплетенный с ниточками шерсти.
Хранили валенки-носочки
Огонь огромной русской печи
И рук, запрятавших в клубочки
Кудряшки солнечной овечки.
Я вырос, лихо всунул ноги
В мейд-ин-заморские ботинки,
Но часто вспоминал в дороге
Из детства теплые картинки.

* * *

Хлипкие рамы с крестами,
Как докучали вы маме –
Редкий ремонт без потерь!
А посмотри, что теперь:
Новые – батюшки-светы! –
В домике стеклопакеты.
Белая-белая рамка,
В ней моя добрая мамка!
Как же ты, мамка, мне рада!
В строгом квадрате оклада,
Тихо поправив платочек,
Шепчешь мне: «Здравствуй, сыночек.
Дверь не закрыта, входи...
Скоро ли будут дожди?
Хва-а-тит и масла, и хлеба!
Сам-то что долго так не был?
Месяц? Неужто три дня?..
Чай-то какой у меня!
Дома-то как? А работа?
Отпуск короткий твой что-то.
Что-то Маруся-соседка
Стала захаживать редко...
Вот бы поздравить со Спасом.
Не захворала ли часом?
Скоро на убыль жара.
Будут дожди. Мне пора!»

... Мама, пришел, вот стою,
Думку гадаю свою.
Осиротевшие окна.
Молча под дождиком мокну.

Страна Заречная моя

1.

Я видел разные края.
Поездил я по свету.
Страна заречная моя,
Тебя прекрасней нету!
Здесь радуюсь волненью нив –
Крестьянская порода!
Бодрит меня речитатив
Гусей у огорода.
Здесь колыбельную поет
Любимая для дочки,
И сами просятся в блокнот
Лирические строчки.

2.

Весна на улице моей,
На улице Заречной.
Бумажный серебристый змей
Взмывает ввысь беспечно,
Звенит капелями вода,
Весна тому причиной.
Задорно вторят провода
Мелодией скворчиной.
И мы, и мы когда-нибудь
Вот так, воздушным змеем,
Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть
Поднимемся, сумеем.

2001 г.

Земля

(Из жизни древних славян)

Избиты табунами
На взгорьях ковыли.
Сердитым зверем пламя
Щетинится вдали.
Мечом добыты земли
У врагов ликих.
Дружина князю внемлет,
Весь край степной притих.

Князь не богат на речи:
«Великая была
Цена минувшей сечи.
Честь павшим и хвала.
Живым героям пашни
В награду я даю
За героизм вчерашний,
Проявленный в бою».
Их вызвал князь из строя:
«Микула, Дир, Андрей!»
Герои из героев,
Всех храбрецов храбрей!
«Берите землю каждый.
Но чтоб за день пути
Свои владенья дважды
Смогли вы обойти.
Свой путь дневной отметит
Пусть каждый воин сам.
Возьмите стрелы эти,
Они помогут вам.
В путь!» Вспомнив о Дай-боге,
Счастливики бегут.
Земли не чуя, ноги
Богатырей несут.

На пашне сделал метку,
Воткнув в степи стрелу,
Держась в лесу за ветку,
Микула льнет к стволу
Тенистой стройной липки.
Черняв, красив с лица.
Сияние улыбки
В усищах молодца.
Проснулся, потянулся,
Прошел прохладный луг
И в стан друзей вернулся,
Второй закончив круг.

Андрей спешит болотом
К озерам напрямиком.
С чела росинки пота
Стирает кулаком.
Бьет по озерной глади
Тяжелая рука.
Давно к такой награде
Шли думы рыбака!

В узорчатом колчане
Нет больше меток-стрел.
Быть до заката в стане
Андрей едва успел.

Смекалистый и смелый,
Дир ловко на бегу
Собрал чужие стрелы
В степи и на лугу.
Слукавил, не сдержался!
Умножить свой надел
Тропой зверей помчался
С чужим запасом стрел.

Не скоро, после пира,
В звериной западне
Нашли беднягу Дира
Застывшим в вечном сне.

Шумит под елью тризна,
Живые ковыли
Кивают с укоризной
На свежий холм земли.

1992 г.

* * *

Под березкой погостить в Есении
Песней соловьи меня зовут.
В час удачи и при невезении
Здесь найдется для меня приют.
Жеребенок кличет тихим ржанием
Подзабытой улицей пройти,
Стукнуть в дверь с одним простым желанием
Прошептать сыновнее «прости».
Учащают пульс картинки давние:
Стоит лишь глаза прикрыть на миг –
Скрип тележный, старой школы здание,
Темнотой пугающий сеник.
На давно исчезнувшей завалинке
Греет рыжий бок соседский кот.
У колхозной клуни на проталинке
Детский смех и мячика полет...
За селом не все тюльпаны сорваны,
И ключи пульсируют пока,

Но печалят брошенные бороны.
Нет у работяги-мужика.

Новая заря горит сережками,
Но, друзья, ответить не берусь,
Столбовой дорогой иль дорожками
Воротилась иль уходит Русь.

1995 г.

* * *

Бимка, Бимка, глупая собака –
Слышал, про тебя так говорят?
Царь дверей, придворный забияка,
Ужас кошек и морковных гряд.
Прямо скажем, странные порядки
У себя завел ты при дворе:
Хоть слона готов схватить за пятки,
А несущкам – угол в конуре.
Не устал еще от умной речи?
Так вот слушать, высунув язык,
Нынче редкость, речи человечьи –
Лай собачий более, старик.
Знаю, почему мне лижешь лапу.
Вольной воли ждешь от вожака.
Что ж, изволь, оставив цепь, сатрапу
Вновь тебе завидовать слегка.
Плут, балбес, но – свой, а это значит,
Как тебя за грядки ни срами,
Но уже твой краткий век собачий –
Часть большой истории семьи.

* * *

В молнии, чиркнувшей по небу,
В шорохе волн на пруду
Сможет узнать меня кто-нибудь
После того, как уйду?

Тихо капелями вешними
Я погрущу о былом,
Вспыхну походными песнями
У костерка за селом.

Может, в космической темени
Кто-то меня разглядит?
Только б хватило мне времени
Вырасти выше обид.

Пашням бы – доброго дождичка,
Песням бы – крыльев больших.
Счастья б еще хоть немножечко
Для продолжений моих.

* * *

Взяли бешеный темп года.
Молодецкая эта прыть
Тяготит меня иногда.
Молодым мне уже не быть.
Я не буду летать во сне,
Старших братьев на дембель ждать,
Но зато не придется мне
В путь последний их провожать.
Не поеду с отцом на луг
Зорьку встретить, косою звеня.
Не предаст меня старый друг.
Это всё из былого дня.
Мать не скажет: «Пиши, сынок»,
Проводив меня на вокзал.
Если б знать ее чувства мог,
Я бы чаще тогда писал.
Часто другу б теперь звонил –
Я давно все готов простить.
К тем, кого горячо любил,
Видно, мне не дано остыть.

Советское

...Многострадальный вскипел народ:
«Романов – с трона!» Переворот.
«Вся власть – Советам!», «Конец войне!».
Ульянов в Смольном, страна в огне.

Осели пеплом войны дымы,
Страна за парту: «Рабы – не мы!».
Даешь планете во всем пример,
Краснознаменный СССР!

Живи и здравствуй, колхозный строй,
Бей все рекорды, страна-герой.
Отца народов – на пьедестал.
Товарищ Сталин – наш идеал.

Уймитесь, слезы лихих годин,
Весь мир, запомни бой за Берлин.
Умри в берлоге своей, фашизм,
Эй, выше знамя, социализм!

«Быстрее в космос!» – кричит генсек,
Твори и пробуй, вчерашний зек.
Державе нужен другой устав.
Товарищ Сталин, ты был не прав...

Распахан космос, как целина.
Героям – звезды и ордена.
Семье республик – вовек сиять.
До коммунизма – рукой подать.

«БАМ!» – стройотряды звенят струной,
Свет олимпийский над всей страной.
Афган, партсъезды, твердит Совмин:
«Успехов много, Герой – один».

Застой, Чернобыль, и, как всегда,
Мы очень долго шли не туда,
Нам перестроиться нужно лишь.
Эй, птица-тройка, куда летишь?

За «правдой» партий, вождей и вер
Летят осколки СССР.
У всех дорога теперь своя.
Виват, Россия, страна моя!

...Нас едко кличут – Абсурдистан!
Но край бескрайний не бесталанн.
На радость внукам, смертям назло,
Держись, Россия, живи, село.

1996 г.

Ничей

Как живуча в тебе доброта,
Полудикий, израненный пес!
Понимаю, Дружок, неспроста
Ты мне кость в угощенье принес.

В невозвратные сгинул края
Твой хозяин, с тех пор ты ничей.
Да, Дружок, и не думал, что я –
Кто-то в жизни собачьей твоей.

Значит, помнишь о том, как порой
Я бросал тебе хлеба кусок.
До того, как тебе конурой
Стал за мусорной свалкой лесок.

Только, вижу, не клянчить куски
Прибежал ты и сел у ворот.
От горючей собачьей тоски,
Что порой и двуногих берет.

Ты и раньше-то не был ручным.
Обрывая последнюю цепь,
Поскулил и навеки ничьим
Потрусил в бесприютную степь.

* * *

Подзабытый крещенский мороз
Воротился не сказывать сказки.
Искусал, исцарапал до слез,
Уколол, ущипнул для острастки.

Заскрипели тропинки села,
Хлипкий мост и деревья у речки.
Настоящая Русь ожила
Дружным смехом, румянясь у печки.

Мне, бродяге, пуховым платком
Онемевшие пальцы согрела.
И плывет ароматным чайком,
Злую стужу оставив без дела.

* * *

День таинственный крещенский
Пруд, родник, обычный кран
(Почему – вопрос вселенский)
Превращает в Иордан.

В святой дух простой водички
Кто-то верит, кто-то нет,
Но смотрите – как от спички
В людях вспыхивает свет!

В иордани, как от бани,
Загорается душа.
Жизни хочется останний
Путь осилить не греша.

Угнетенная на время,
Светом дома сквозь буран
Оживает вера в племя
Православных могижан.

2005 г.

* * *

Крючки и буквы я писал пером
В тетрадках с карандашными полями.
Ком пластилина называл трудом,
Футболом – толчею за гаражами.

Сломали школу – старая была.
«Прощай!» – смахнул слезу старик-директор.
Пустырь на главной улице села –
Твоя ль вина, заезжий архитектор?

Родная школа, коридором лет
К твоим урокам возвращает память.
Я мамин георгиновый букет
Несу тебе, как знаменосец знамя.

Ясень

Он прост и ясен, отцовский ясень –
Кудряв, не низок и не высок.
Пригреет – зелен, морозит – красен

И сбросит листья в привычный срок.
Завянет осень, когда устанет,
Ни он не вечен, ни я, ни ты.
С ним вместе что-то большое канет,
И больно станет от пустоты.
Он будто б лишний среди слив и вишен.
Но есть в нем что-то от слова «честь».
Суровой жизнью он не обижен.
Влюблен в такую, какая есть.

1990 г.

В Кишаловке

Текут неспешно старые проселки,
Нырять в лабиринт карагачей.
Как зеркала разбитого осколки,
Блеснул под кручей Бузулук-ручей.

Село с оврагом – страшное соседство.
С беленых хаток ливни смыли свет.
И, взяв рюкзак, мое шагнуло детство
В поход в деревню, что на карте нет.

Я вновь сюда вернулся через годы
И признаков жилья не отыскал.
Саманные холмы, полыни всходы,
Скелеты тополей да краснотал.

Бесследно растеклись по белу свету
Соседи, как весной ручейки.
Неужто мы, как деревеньку эту,
Сберечь свою не сможем, земляки?

* * *

Не было школы своей,
Мельницы не было тоже.
Сжег урожай суховей,
Годы села подытожив.

«Неперспективным» село
Областью названо было.
Пело, смеялось, жило,
Но потихоньку остыло.

Времени серый туман
Смыл белобокие хаты.
Лишь стерегут, как солдаты,
Яблони рыхлый саман.

Помнит все, вот и ворчит
В новом селе дед Микола –
Свеж, но знакомо горчит
Хлеб городского помола.

У дорожной стелы

*«...Когда переселенцы добрались до наших мест,
они восхитились окружающей их природой,
колеса бричек были красными от спелых ягод.
– Бог дал нам эту землю, пусть здесь и будет
наша новая родина, Богом данная...»*

Из Богдановской легенды

Закатились в небеса
Три тележных колеса.
Всё, приехали и встали
На высоком пьедестале
На окраине села.
Взмыли вверх, и все дела.
Все дела, ушли на отдых,
Отскрипев, лихие годы.
Годы пота, крови, пыли
Над землею воспарили,
Как церковная глава,
Как душевные слова
Одолевшим путь лишений –
Людям старших поколений.
Высока их колея,
Выше голову, друзья.

* * *

Город, не свыкнушь никак
С блеском пластмассовых стен,
Стильный чиновничий лак
Пыльным портретам взамен...

«Доброго!» – я на вокзал,
Точку поставил в делах.
Шел, наблюдал, вспоминал,
Вспомнил о правде в ногах.

Эй, Оренбург – Бузулук,
Песню прощальную пой!
Здравствуй, колес перестук,
Здравствуй, дорога домой.

Еду в родные края,
Там, у опасной черты,
Бьется деревня моя
С тяжким грехом нищеты.

Прабабушкина прялка

Проводами приводы
Разгуделись прялочки,
Подтвердились выводы:
Мчится сын играючи.
Палочки-кругалочки
Запорхали птицею.
Нет старинной прялочки –
Стала колесницею.
Скачут кони быстрые
С золотой подковою
За луга росистые
В дали васильковые...
Просто наказание!
Наказать «возничего» –
Сложное задание.
Эк ему приспичило!
Я ведь тоже маленьким
Прялочку покручивал...
Бабка на завалинке –
Упустил бы случая?
Ну как нешутейное
Хрустнет что на горе – и...
Эх, крутись, семейное
Колесо истории!

* * *

За приказом – повестка. Два брата:
Старший – в хату, а средний – служить.
Я вздыхал, что годков маловато,
Чтоб заменю среднему быть.

Длинный стол, седовласая бабка
В обрамлении снох и сынов,
Суетливые мамка и папка,
У дядьев – «кирпичи» орденов.

Квас ядреный, соленья в капусте,
Смех и песен военных металл,
Речь «армейцев», солидность напутствий.
Как братан на гармошке играл!

Как потом я заглядывал в ящик!
– С треугольником нет письмаца?
Эй, солдатик, писал бы почаще!
На родителях нету лица.

– Брат пришел! – мчусь ракетой по школе
С одобрения учителей.
Сами счастья не ведали, что ли,
Долгожданных обнять дембелей?

Зимняя радуга

Пейзажа серую унылость
Пронзили огненные стрелы.
И жаркой искрой засветилась
Звезда мемориальной стелы.

Зажгла цветное коромысло
Над золотой звездой природа,
Особого добавив смысла
Картине зимнего восхода.

А над снегами возвышались
Солдат скульптурные портреты –
Тех, от которых мне достались
В наследство мирные рассветы.

Салют Победы

Салют Победы звездами сиял
Моей стране, не вставшей на колени.
А светлый май смеялся и рыдал,
В руках сжимая крестики сирени.

В салюте было все: восторг и боль,
«Ура!», объятая, перелив баяна,
И пыль дорог, и щек сиротских соль,
Разрывы бомб и голос Левитана.

Горят мемориальные огни,
Как свечи поминальные мерцают.
Они – я это с детства знаю –
Салют, упавший с неба на гранит.

У обелиска

*Памяти Алексея Ильича Нихаёва
и всех, не пришедших с войны*

Это я, тебя в два раза старший,
Твой родной племянник, тезка твой.
Ты на фронте без вести пропавший,
А в родной деревне ты – живой.

Наше имя общее читаю,
И печалюсь, и тобой горжусь.
Ты приблизил нас к святому маю,
Защищая раненую Русь.

Ни посмертных почестей, ни строчки –
Командирской, горестной, скупой.
Будто повесть без финальной точки
Жизнь твоя, Отчизны рядовой.

В детстве я давал отпор злословам,
Слыша на предательство намек.
И «Алешу» гордо пел коровам,
Встав с кнутом в руках на бугорок.

Может, нету у твоей могилы
Ни звезды армейской, ни креста.
Знаю только: ты истратил силы,
Чтобы Русь от зла была чиста.

Не пришел домой с войны священной,
Хоть живым прийти был уговор.
Верный клятве яростной, военной,
Нас ты защищаешь до сих пор.

Это я, войны не испытавший,
Вновь поговорить пришел с тобой.
Ты на фронте без вести пропавший,
А в своей деревне ты – живой.

* * *

В каждом селе – поминальные списки.
Строчки до боли знакомых фамилий.
Тихие скверы, цветы, обелиски...
Мы никого, ничего не забыли –

Доблесть и горе родных и соседей,
Их молодые и светлые лица,
То, что одно из важнейших наследий –
Помнить и бедам не дать повториться.

В центре районном и в маленьких селах
Смотрит солдат с высоты пьедестала,
Чтобы не гасла ни в избах, ни в школах
Память великая родины малой.

Весной сорок пятого

Туда, где ранят землю взрывы,
Шагают brave полки,
А принаряженные ивы
Им шепчут что-то у реки.
Привал, коснулись клавиш пальцы.
То гарь, то пыль войны кругом,
А баянист выводит вальсы,
А в небе – тучи в голубом.
Эй, тучи, тучи грозовые,
Вы слышите? Победе – быть!
В цветах поля прифронтовые.
Нас никому не победить!

* * *

Берегите, и взрослый, и школьник,
Знаки памяти нашей живой –
Пожелтевший листок-треугольник,
Номер почты бойца полевой.

Опаленные порохом строки
Как молитву бы надо учить.
Их, солдата Победы уроки,
Их металлом звенящее – «жить»!

И призыв из земляночки тесной –
Пронести лабиринтами лет
В скорбном слове и в радостной песне
Яркий свет незабываемых побед.

* * *

Всё в прошлом, будущего нет
У этой улицы на слом,
Где лишь один не гасит свет,
Поет гармошкой крайний дом.

Вздыхает мех, ведет гармонь
Рассказ о буднях артполка.
И отражается огонь
В слепых глазах фронтовика.

Что дом последний – это да,
Что хата с краю – ни за что!
Играет старенький солдат
Военных лет мотив простой.

Грустит гармошка, чуть дыша,
Старик склонился над столом.
Не за себя болит душа,
За то, что родина – на слом.

Как забудешь о войне...

С юных лет внушали мне
Деды мысль суровую:
Как забудешь о войне,
Так получишь новую.
Чад махры, суровый сказ
Про деньки горючие...
Как же не хватает вас,
Старики могучие!
Время заживленья ран
В пятилетках мерялось:

Бац – Афган-Афганистан!
Зря дедám не верилось.
...Ну – граница, ну – Кавказ
Хлопает воротами...
Но какой такой Донбасс –
С грузами «двухсотыми»?!
Прочь с пути, не засти, тень
Звездно-полосатая,
Озаренный счастьем день
Мая сорок пятого...

* * *

Хлебнул ты лиха, Александр Зленко,
Солдат Победы, скромный ветеран,
Со странноватой прозвой деревенской –
Шутник и балагур – дед Алихван.
...Ах, этот взгляд, глаза твои с прищуром,
Ах, твой слезоточивый самосад!
Шутливое «ну что, сынок, покурим»?
И жизненный девиз – «терпи, солдат!».
В шкафу хранил награды боевые,
По-фронтовому пил стакан до дна.
За горькие дымы, передовые:
«Терпи, солдат! Будь проклята война...»
Дрова колол, точил коньки, ножовки
Дед Санька с наслажденьем, не спеша.
Курил, отпив из красной поллитровки,
И все шутил про «друга ПэПэШа».
Как детвора тебя боготворила
За прибаутки и что не был строг!
Была в тебе, солдат, такая сила,
Которую никто не перемог!

Марш-бросок

Дрожала жаркая земля,
Вращались бешено колеса.
Ночь на войну и мир деля,
Луны дымилась папираса.
Прикрыть собой хрустальный мир
Колонны двигались стальные.
Не по уставу командир
Просил: «Сынки, вперед, родные».

В степи, привыкшей к тишине,
Тревожно вскрикивала птица.
И всё родней казались мне
Бойцов мелькающие лица.
Вдаль краем поля у берез
Из пыли, рокота и дыма
Такое бурей пронеслось,
Что искони непобедимо.

*с. Богдановка,
август 2008 г.*

1954

Вызов стоглавному змею
Бросил бесстрашный Иван.
Фрицу свернувшее шею,
Вышло «ура!» на уран.

Спят полигонные дали,
Смерч рукотворный затих.
Там, чтоб чужие боялись,
Били (учили) своих.

Жизнь без привалов на марше
Годы сложила в стога.
Там, где отряхивал Маршал
Тоцкую пыль с сапога.

Эхо

Отгремели военные сборы
Ураганами бравых атак.
Дело давнее, только вот споры
Об ученых не гаснут никак.

Всё твердят нам ученые гости:
«Ваши фобии, граждане, – зря!»
Об ином говорят на погосте
Частоколы крестов Сентября.

Академики чистой водицы
Из Святого черпнут родника,

Погостят и укатят в столицы
С сувенирами из городка.

Взяли б – эхо давнишнего взрыва
Навсегда увезли из села.
До сих пор ведь, проклятое, живо:
«Ох, ядерная бомба была!..»

* * *

Идет война, а на войне
Дыханье смерти – неизбежность.
Ты ж, будто в нездоровом сне,
Россия – боль моя и нежность.

Без слез теряешь сыновей,
Шепча в сухой газетной строчке
О сумме пролитых кровей
В горячечной мятежной точке.

Встань за безусых в полный рост,
Закрой напрасным жертвам двери.
А за столом про третий тост
Не забывай по крайней мере.

1996 г.

* * *

Городка фронтовое наследство
За мальчишек-девчонок – горой.
Своего ей не выдалось детства,
А теперь вот всегда с детворой.

Сторожит, провожает, встречает,
Нет ей отпуска, нет выходных.
Сборы, свадьбы, линейки венчает,
А теперь мой украсила стих.

В дневники я бы ставил «пятерки»
На итоговые листы
Всем, кто бабушке-«тридцатьчетверке»
Дарит так, без подсказки, цветы.

п. Тоцкое-2

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

С Овцегодом!

Овцу приветствуя «козой»,
Желаю счастья всем сердечно.
Горилку закушу травой
И помечтаю. Об овечном.

Что Новогодье принесет?
Не помешало бы – удачи.
Чтоб вспоминал потом народ:
«Не козий год был, а козачий!»

Жрец коньячка, пивка, винца!
Ложась щекой в сенцо тарелки,
Ликуй: к тебе пришла овца.
А мог прийти привет от белки...

26.12.2014 г.

* * *

Его восторженно вначале,
С кривой ухмылочкой потом
Встречая, щедро угощали
Шампанским, водкой, коньяком.
Он шел к саням походкой шаткой,
Сердито посохом стучал,
Родную внучку то лошадкой,
То снежной бабой называл.
По бороде скользившей шпроте
Кричал вдогонку «Дед Мороз»,
Что велика в его работе
Опасность лошадиных доз.
Тулуп на старого придурка
И пожирателя икры
В санях набросила Снегурка,
Укрыв от взглядов детворы...

Истериический романс,

или Песнь о конце света

Всюду шепчутся, будто, мол, свету – конец.
«По секрету» мне выдали точную дату.
Всяк, мол, третьей от Солнца планеты жилец
Обречен потерять коммунальную хату.
Нам не будет от нас же уставшей Земли,
Вместо весен и лет – бесконечные зимы.
Замолчат соловьи, по морям корабли
Не пойдут, молодыми ветрами гонимы.
Ни любви, ни войне продолжения нет,
Уравняются враз настоящее с прошлым...
И пошел загулявший по свету «секрет»
Обрастать философским, и мрачным, и пошлым.
Псевдосветоконцы мир не раз пережил,
Подкормив деловых, пощипав слабонервных.
Дремлет кот на печи, в Ниле ест крокодил,
Не пугаясь ни «точных» концов, ни примерных.
Там у них, неразумных, всё штатно, а тут
То ль от жути реклам, то ль от генной привычки
Люди – в бункерах ждут, человечки – метут
Спички, соль и крупу, сдачу... тратят на спички.
Мне от этой горячки не очень смешно.
Я горячки встречал на деревне смешнее.
Тьма навеки... А вдруг?... А крупа-то – зерно –
К обновленному свету пробиться сумеет?!
Через тысячи лет не увижу, а жаль:
На Земле без гламуров и лжедемократий,
Может, голый совсем, может, ряженный в сталь,
Восхитится ростком романтический лунатик!
А пока – «всё не так», но зато по утрам
Солнце зайчик мне шлет с куполов Ремизёнки.
И спешат по мосту в ученический храм
Постигать этот свет пацаны и девчонки.
Я в ответе за них и с себя не списал
Быть за малую часть мирозданья в ответе,
Где степным кораблем заревой краснотал
Предстает предо мной в жизнерадостном свете.
Еду в гости к друзьям, не встречаться – грешно,
Что-то шепчет асфальт под колесами «Нивы».
В придорожных полях нянчит всходы зерно.
– С добрым утром! Ликуйте, покуда мы живы!

12.12.12 г.

Моим студенческим друзьям

Какая ночь, гроза, гроза!
Бушует за окном стихия.
Сегодня не сомкнуть глаза.
Гроза – и с нею ностальгия.
Утихла, думал я, но вот
Опять: прощальный взгляд, тревога.
И молниями душу влет:
Лет юных кончилась дорога.
Гроза – за матовым стеклом
Рябины, как травинки, гнутся.
Друзья, грустите ль о былом?
Где наши дни пересекутся?
Иль позабыли вы меня?
Немудрено в житейской гонке.
А я, чудак, без вас – ни дня
В своей хиреющей сторонке.
Припомню, грустно улыбнусь
И стану чуточку моложе,
И эту пламенную грусть
По жизни пронесу, похоже.
Наш «странный» инофакультет:
Букет имен, парад фамилий,
Этаж Элен, Элизабет!
Вы, может статься, не забыли,
Как был я жалок и смешон,
Своей subtilности стеснялся,
Был предан (преданно влюблен),
Но чувств ответных не дождался.
Не факт, что тонко юморил,
Чудил, жонглируя словами.
Но факт, что вашим другом был.
Кому каким, судите сами.
Я жутко важным стал, атас!
Но всё ж, по сути, прежний Лешка.
Готов я с вами хоть сейчас
В поля, где холод, дождь, картошка...
Как эти всполохи, точь-в-точь
Дни были! Как же позабыть их!
Гроза... Друзья, всего лишь ночь
До наших с вами общежитий.

* * *

Вот знать бы мне, пластический хирург,
Ужель и впрямь большой лопатой грубо
Избили вы Москву и Петербург,
Мисс Красотищу сляпав пухлогубой?
Неужто впрямь встревоженной гурьбой
К вам дамы рвутся на ремейк природы?
А вы своей пластической рукой
Способны вспять перелопатить годы?
Вы, говорят, способны новый ум
Пришить, как бонус, обновивший тело,
И что за дам, за ваш губастый бум
Вам по губам, хирург, не прилетело.
Иль врет про вас мне у плетня сосед,
В сарае утром не найдя лопату?..
Пойду узнаю правду в сельсовет.
Зазря им, что ль, повысили зарплату?!

Про диету

Студенческое

Первое. Добрый был супчик.
Второе. Пельмешки на рубчик.
А третье – вот блюдо так блюдо! –
Горою пустая посуда.
Четвертого хоть маловато,
Но бог подарил мне салата.
А пятого декабря
Отведал я два сухаря.
Шестого – посылка из дома:
Сальца два увесистых «тома».
Седьмое – с тетрадку котлета!
А ты говоришь, брат, диета...

1986 г.

* * *

Папка может быть картонкой
С файлом или же с тесьмой.
Мамка – взрослою девчонкой.
Папка – дядькой с бородой.
Мамка может стать мамулей
В дни рождения детей.

За столом гудящий улей
Может спеть «спа-си-бо!» ей.
Мамка знает, как болезни
Из домашних изгонять.
Что нельзя, а что полезней
Перед супом принимать.
Мамка может стряпать в танке,
Чтоб комфортней сын служил.
На гражданке – лишь бы банки
Из общаги привозил.
На мигрень мамулька злится,
На ходу ворча в трюме:
«Да, больница, что – больница!
Не впервой, пройдет само».
Март приходит. Как зарплату –
Светлоока, озорна,
Как большой увал солдату,
Мамке дарит День весна.
Не узнать сегодня мамку.
Ей цветы, и торт, и стих.
Круглый день не тянет лямку
За себя и за иных.
Я горжусь, любуюсь мамой,
Позабывшей про мигрень,
Тем, что самый-самый-самый
Есть в России Женский день!

* * *

Долгий стол новогодних каникул
Я с великим трудом одолел.
Вилкой в бок утке жареной тыкал,
Тупо сквозь телевизор глядел.
Чуть дрожа, в такт обжорной одышке,
Потянулась лениво рука
К небольшой поэтической книжке,
Где полна сосен шумом строка.
Рассмеялся великий коллега:
«Ох, простудишься от холодцов!»
– Новый год, а без вьюги, без снега,
Что ж осталось, товарищ Рубцов?..
Вмиг закрыла рубцовская книжка
Дверь на чревоугодческий бал,
Грохнув, будто кастрюльная крышка:
«Ты когда-нибудь, брат, голодал?»

У книжной полки

Премного общего у нас.
Я свой почти в ряду великих:
У нас один на всех Парнас,
Одна слеза под песнь калики.
В зарубежах во всяких там
Ни разу не был я, как Пушкин.
Хоть не стрелялся из-за дам,
Но горевал, не видя кружки.
Еще я именем – Кольцов,
А славным отчеством – Жуковский.
Желал аксаковских гольцов,
Сжевав в четверг минтай столовский.
Некрасов, я ль не патриот,
Не гражданин родного края?
Мне даже после банки шпрот
Сперва – гольцов, потом – минтая.
Я по-высоцки невысок,
По-маяковски неесенист,
Качаюсь с пятки на носок,
По-гафтовски непреклоненист.
Как по-чуковски носоват
И по-рубцовски некудрявист!
В груди почти прутковский яд
И к лисам всем воронья зависть.

Солнечный удар

В полном смысле – лоб в лоб!
Не сподобился мимо пройти.
Чуть не вверг меня в гроб
Солнцеликий фантом во плоти.
Он на «ты» повелел,
Хоть мы были знакомы едва.
Я сказал: «Вери велл»
(что болит, но цела голова).
Он хвалил свой талант,
В словесах не стесняясь ничуть.
Он поэт, музыкант
И «козой» все бодал меня в грудь.
Он обиды кричал
На «маститых» (евреи, поди...).
Я ж опасливо ждал

Появления дырки в груди.
Он везде нарасхват,
На Есенина стилем похож.
Молвил я: «Виноват...»,
Он: «Вот так, не дослушав, уйдешь?»
Он не признан никем,
Он – «с рождения пишуший в стол»!
Ох, куда и зачем
Я с авоськой по Пушкинской шел?..

г. Оренбург, 2007 г.

* * *

Всей деревней встали на лыжню:
Школа, дед, две бабки, три «хожалки».
Сделать план физрук призвал родню.
Сбежать в елки лыжи дал и палки.

Побрели под перелай дворняг,
Палки, клюшки (надо – значит, надо).
– Дед, – просил физрук, – пореже шаг,
Встал на лыжи, дед, – уже награда.

И мечтал физрук, за лыжпоход
Получив «о'кей» по телефону:
«Если дед до лета доживет,
Одолеем план по марафону».

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Воспоминания о будущем

Дерев печальную красу, багряный веер
Швыряет в мутные ручьи холодный ветер.
И снова взору предстает пейзаж постылый:
Дорог разбитых колеи и дождь унылый.
Устанет дождик слезы лить, повеет стужей,
Хрустящим серебром мороз покроет лужи.
И лягут белые снега, как одеяла.
Чтоб зябкой рощице чуть-чуть теплее стало.
Вот-вот, и яркий теплый луч весь мир разбудит,
А тайная моя печаль меня забудет.
Другая, новая ко мне идет, похоже,
Любовь. А прожитой – не жаль. А всё же...

* * *

Я иду, на рассветный восток
С восхищеньем смотрю, как язычник.
Там горит твой любимый цветок,
Самый жаркий на свете горчичник.

Лет не чуя, легко полечу
Сквозь ковыльные вольные волны,
Чтоб сорвать и нести, как свечу,
Самый солнечный в мире подсолнух.

Чтоб для самой родной на земле
Персональное мини-светило
Золотилось, искрясь в хрустале,
И без слов о любви говорило.

Романс

И не заметили, когда
Друг другу не чужими стали,
Как появились две печали
И на двоих одна беда.

Да, у тебя давно другой,
Но все сильнее в груди вскипает
Кустом черемуховым в мае
Неодолимый непокой.

Лишь боль разлуки впереди,
Неотвратимое прощанье.
Но снова трудное молчанье.
И вновь твое «не уходи».

«До встречи» – будто невзначай.
«До скорой» – взглядом провожая.
Прости, чужая нечужая,
Что не могу сказать «прощай».

* * *

Сверкнет, бывает, горячо
Меж нами ссора,
Но знаем: я тебе – плечо,
Ты мне – опора.

Мы долго-долго к нашей шли
Поре свиданий,
Но письма старые сожгли
Без колебаний.

Среди зимы лед двух сердец
Дал сотни трещин,
Хотя совсем другой конец
Нам был обещан.

«Пойдем...» – чуть скрипнув, позвала
Твоя калитка.
И с той поры – куда игла,
Туда и нитка.

Неправильный январь

Я изменил привычке
Цветные видеть сны.
С той самой электрички –
С дыханием весны.
Веснушчатое чудо
Спит на твоих руках.
Вы, я – судьбы причуда –
Не вместе, в трех шагах.

Сейчас бы всё, как было
До слова «уйди»,
Не плакали б уныло
Январские дожди.
Гордыни усмирять,
На кухне б посидеть,
В глаза за чашкой чая
Друг другу поглядеть.

От детского сопенья
Никак мне не уйти.
Но, видно, для прощенья
Не те ищу пути.
Весь месяц непогодит,
Нет без дождя и дня.
А счастье рядом ходит,
Не смотрит на меня.

* * *

Ты хочешь умыться лучами зари,
Венок из веселых ромашек сплести,
Увидеть сосновой коры янтари?
Тогда нам с тобою, мой друг, по пути.

Подальше от мира больших скоростей!
Отыщем приют в комариных краях.
Там радость – как звонкий прозрачный ручей,
Роса – как печаль об ушедших друзьях.

Мы смелым маршрутом к вершине пройдем
И вкусно дымящий устроим привал,
И дружно про дивные горы споем,
Про те, «на которых еще не бывал».

Без прежних забот и горячих вестей
Заметно замедлится времени бег.
Но вскоре – загадочен ты, человек! –
Захочется в брошенный мир скоростей.

А там как секунды недели бегут.
Попробуй-ка над суетой воспари!
Там снова нехоженный снится маршрут
В края, где горят на коре янтари.

Колыбельная для любимой

Дремлет красавица-белка в дупле.
Это, любимая, первый куплет.
Засеребрилась луна над горой.
Это куплет второй.
Ты мне нужна больше всех на свете.
Это куплет самый главный, третий.
Дождик роняет с притихших дерев
Песни моей припев...

**БОГОМ
ДАННАЯ**

Закат

Тяжкий сегодня закат:
Степь жутко-алого цвета.
Что там – прощальный парад
Власть уронивших Советов?
Или мне чудится кровь
Давних гражданских баталий,
Иль прагматичная новь
В пламя швырнула скрижали,
Где про моих земляков
Строки суровые были –
Как за упряжкой быков
В поле босыми ходили,
Как возводили дома,
Строили фермы и школы,
Сыпали рожь в закрома,
Воду вели в суходолы?..
Ведаю: вечного нет,
Смерть – завершение жизни.
Диких полей пустоцвет –
Плач по колхозной отчизне?
Гадкий за хатой закат.
Мысли и чувства в раздрае.
«Русь на подъеме» – твердят.
Вижу – село умирает.

1997 г.

Богдановка

В сиротливом дому
Смотришь в окна устало.
В привокзальном дыму
Дочерей растеряла.

Точат когти в груди
Бессердечные кошки.
Но гасить погоди
Свет в родимом окошке.

Созывать не спеши
На торжественный ужин.
В уголочках души
Уголек не остужен.

С неостывшей плиты
Молоко не сбежало.
Я не верю, что ты
Насовсем отрожала.

К безнадеге в друзья
Торопиться негоже.
Ты, родная моя,
«Богом данная» все же.

1998 г.

Чужой. Перестройка

То живность, блеющая хором,
То колорадская картошка.
Решив передохнуть немножко,
Поехал в город я на скором.
Привет, степная град-столица,
Как всё до мелочей знакомо!
Я был бы здесь почти как дома,
Да что-то всё чужие лица.
Вот красный галстучек с терьером
Галантно машет ручкой даме.
Пожалуй (это – между нами)
Был славным галстук пионером.
«Смирнофф» и белые «Ройяли»
Мне предлагают томным басом
Там, где когда-то бочки с квасом
И пивом «Бархатным» стояли.
Любуясь золотой виньеткой
Обложки «Унесенных ветром»,
Вздыхает по былым поэтам
Интеллигент с тарифной сеткой.
Куда ни глянешь – мини-рынок.
Вальяжные, в заморских тряпках,
Юнцы ведут базар про бабки,
Сойдя на тротуар с картинок.
Мне этот город был когда-то
Родным. Эх, сосчитаю гроши,
Хватает вроде на галоши.
И – ни ногой сюда, ребята.

* * *

«Обильный край, благословенный...»

С. Т. Аксаков

Дай, Боже, струнам верный строй,
Покуда есть кому играть.
Деревня, встань, воспрянь, воспой!
Еще не время умирать.
От постоянства перемен
Устала, только и всего.
Оптимистический рефрен
Спой для друзей и для врагов.
Воспойте, сельские древа
С корнями от седых веков.
Летите, светлые слова,
Легко до самых облаков.
Домов угасшие глаза
Пусть веки-ставни распахнут
На мир, где стихшая гроза
Глядится радугами в пруд.
Звени церквами, край родной.
Храня надежду, не плошай,
Душою, голосом, струной
Воспой, благословенный край.

* * *

Звездная картинка
в дремлющем пруду.
Юркая тропинка,
берегом иду.
Вдалеке знакомо
конь стальной ворчит.
«Дома – дома – дома» –
музыкой звучит.
Свет родные окна
на рябину льют.
Дома, дома, дома –
ждут!

Деревенская ласточка

Высохли лужи от солнечной печи,
Тополь расправил могучие плечи.
Вот и хозяйка двора прилетела.

Пощебетала чуть-чуть – и за дело.
Гнездышко ладит в знакомой повети,
Вырастут в гнездышке ласточки дети,
Встав на крыло, умахнут на край света.
Ох, и зачем я подумал про это,
Радуюсь маленькой птичьей царевне,
Не изменившей родимой деревне?

Кукушкины слезки

Слезками кукушки
Выпало им слыть.
Цветики-пеструшки,
Брошенная выть.
Ветерку кивают,
Грустные стоят.
Как напоминают
Малых кукушат!
Плакала украдкой,
Горевала мать:
«Мне одной несладко
Годы куковать...»
В поле, где березки
Водят хоровод,
Обронила слезки:
Деток не найдет.
То в лесу, то в поле,
Кличет здесь и там.
Позабыла, что ли?
По чужим углам
Разбросала деток,
Пусть себе растут.
Ищет в гуще веток,
Кличет там и тут.
Вот такая драма.
А весной птенца
Вновь кукушка-мама
Кинет на скворца.

* * *

На словцо был Колька колкий,
Не любил учителей.
У него глаза – иголки.

Кольку только пожалей!
Угости конфетой Колю –
Рыжий ежик на дыбы:
«Дома тех конфеток вволю,
А картошек – до трубы!»
Знали все – Колян голодный,
Понимали все, что врет
Про участок огородный –
Весь в бурьяне огород.
Было дело: на контрольной
Колька в обморок упал,
Было: из столовки школьной
Суп в пакетиках украл.
На линейке участковый
Кольку вором объявил.
А еще – про «кайф перловый»
Острослов один съязвил.
Жить не смог с пятном позорным
Колька-рыжик, Колька-псих.
Был мальчишка беспризорным
При родителях живых.

1996 г.

* * *

Жить на земле ему казалось мало,
Хотелось чуть поближе к небесам.
Я понял в день, когда его не стало,
Про неземную тягу к голубям.
Он рвался воспарить над суетою,
Как белые красавцы-вертуны.
А мы считали страсть его пустою,
Смеялись – пешим крылья не даны.
В груди стучало сердце доброй птицы.
Он жил – то резкий взлет, то камнем вниз.
Чудак, последней не жалел рубахи
На хрупкий голубиный парадиз.
Лишь там, сорвав с себя земные пути,
Он смело мог «за жизнь» поворковать.
Нам не в пример, простой сизарь и дутыш,
Умея слушать, не могли предать.
Взял и ушел, открыли стае клетки.
Та взмыла в океан без берегов
И – резко вниз, переживать в беседке
Нежданное предательство его.

1 октября

*Если бы молодость знала,
Если бы старость могла.*

Анри Этьен

Невозвратными птицами годы
Пролетают на крыльях больших...
Лишь вчера – на заслуженный отдых,
А сегодня – в ряды пожилых.
Пожилых – пошагавших по жизни.
Молодым бы на вас походить –
День за днем от удачи капризной
Терпеливо ключи находить!
Всё куда-то спешат молодые,
Слишком много у них суеты.
Жаль, поймут только в годы седые,
Сколько мимо прошло красоты:
Радуг, звезд, петухов на рассвете,
Алых зорь... Как в мелькании дней
Подросли, стали взрослыми дети,
А за ними и дети детей.
Путеводной звездой в дороге
Пусть им служит пример ваш простой.
Как у вас чтоб в конечном итоге
Осень жизни была золотой.

* * *

Где вы теперь, такие милые бабули,
Что в паутинки во дворе вплетали сплетни?
В том сентябре, когда вернулись к нам июли,
И я тебя увидел... совершеннолетней.

Ночь на дворе, дверные щелкают засовы,
Свет ночника мерцает, радостно тревожа.
Пропах бензином и дождем твой непутевый...
Ах, как же дочка наша на меня похожа!..

Ты все такая же, все те же чертовщинки
В родных глазах веселой искоркой мелькают.
Прости за то, что по любви справлял поминки.
Она жива, теперь я это точно знаю.

Я верю: песенка моя еще не спета,
Меня не раз еще согреет бабье лето.
Вдруг озорно, в дежурный суп добавив перца,
Спасет в туманном сентябре мужское сердце.

* * *

Зимней сказки волей свыше
Завершаются минуты.
Снег скользит по теплой крыше,
Гаснут хлопьев парашюты.

Превращаются снежинки
В тихий дождик на излете,
И печалются слезинки
На оконном переплете.

«Завтра будет без осадков...» –
Диктор новости итожит.
Снег растаял без остатка.
Будто век, что был, да прожит.

* * *

Я свой крест нести устал.
День за днем трудней дорога.
Сделать вынужден привал –
Легкий крест прошу у Бога.
– Хочешь легкий? Выбирай...
Лес крестов явился глазу.
Я прошел из края в край,
Нужный выберешь не сразу.
Тот, что был необходим,
Приглянулся крестик все же.
– Я пойду по жизни с ним,
Мне под силу он, похоже.
– Что ж, неси его, но знай:
Свой же крест ты выбрал снова...
Не ропщи. И не желай,
Человек, креста чужого.

* * *

Я давно, в раннем детстве крещен.
А потом – полный курс атеизма.
Долго были мне вместо икон
Лица видных вождей коммунизма.
Церковь – где-то, в селе – образа
Да сердитых читалок ученье.
Я крещусь, если грянет гроза.
В русском духе мое прегрешенье.

В голове у меня кутерьма.
От души в ней гуляла безбожность.
От сомнений свихнуться с ума
Не дозволю, триединая сложность,
Не спеша, как по первому льду,
Не по моде – с толпой, под стозвоны
К вере сам шаг за шагом иду
Под всевидящим взглядом иконы.
Солнце, крест неумелой рукой.
Утро с песней скворца за порогом.
Мне спокойно от мысли такой:
Я сейчас разговаривал с Богом.

Бог простит...

Губы нервные, смотрит встревоженно.
– На переднем уселся, пижон!
Гладко выбритый, в курточке кожаной,
Жаркой дачной толпой пристыжен.
Заморгал, привстает неуверенно.
– Нет стыда, поднабрался с утра.
– Адрес, вот... как пройти на Чичерина?
– Топай прямо. Добавить пора?
Извиняясь, к дверям пробирается.
– Бог простит! – милосердствует люд.
По ступеням неловко спускается,
Снизу руку ему подают.
Я – ногами, он, видно, – протезами.
Разошлись. Нервно «Примой» дымит.
Мне ровесник. Какими Гардезами
Прошагал ты?..
– Прости...
– Бог простит...

*г. Оренбург,
автобус № 22, 1985 г.*

* * *

Средь обыденности городской –
Непривычность казачьих папах.
Попрошайка с беспалой рукой,
Свет зари на золотых куполах.
Я несмело вошел в старый храм

И зажег неумело свечу.
И, святое шепнув образам,
Все стою, уходить не хочу.
Бас раскатистый радует слух
Песнопеньем Михайлова дня.
Православный, родной, русский дух
Выше туч поднимает меня.
Тут к заботам мирским – суета
Повлекла, за рукав теребя.
Покидал я обитель Христа
С крепко верой в Него и в себя.

Я несмело входил в Божий храм.
Вышел смелым. Того же и вам.

*г. Уральск, 2013 г.,
День архангела Михаила*

* * *

Мы – особый род и племя!
Наш – особенный уклад:
От сохи да ногу в стремя –
Жди расплаты, супостат!

Есть у нас штаны с лампасом,
Есть гармонь и борона.
Запоем – так с переплясом,
Работнем – так дотемна.

Мы – Руси родные дети
С гордым норовом степей.
Счастье – жить на белом свете,
Любо – на земле своей.

Любо, любо, любо, любо,
Миром справившись с бедой,
Вспомнить в скверике у клуба
Всех, кто вечно молодой.

Синий лампас

Оренбургский казачий вальс

Казачи, казаки –
самых честных крестов кавалеры!
Много в дальних краях,
разудалые, сгнуло вас,

Беззаветных солдат
государя, Отечества, веры.
Господа казаки –
ослепительно синий лампас.
Оренбургская степь
помнит ваши лихие походы.
Триумфальные трубы
плескали вам медью не раз.
Не сумели согнуть
злые вороги, годы, невзгоды
Удивительный ваш
ослепительно синий лампас.
Гордо рей на ветру,
триколор красный, белый и синий,
В самый пасмурный день
серость туч полощи, радуй глаз,
Примири сыновей
многоликой Великой России –
Красных, белых – своих! –
ослепительно синий лампас!

* * *

Красные, белые,
Белые, красные...
Конники смелые,
Смерти ужасные.
Дети несчастные,
Избы горелые.
Кто теперь красные?
Где теперь белые?

Лихо утрачено
Светлое, грезное.
Кем ты оплачено,
Времечко грозное?
Бывшие жители
Детства безбожного,
Смотрят родители
В завтра тревожное.

Правдоискатели,
Воли заложники,
Красить не хватит ли
В кровь подорожники?!

Витязи, соколы,
Росичи, кривичи...
Столько уроков!
Да кто бы их выучил...

1999 г.

Буранная история

*«...Настал пробужденья
для путника час...»*

А.С. Пушкин

1.

Настрелялся казачина,
Захромал под храбрым конь.
Или отпуск – не причина
Грянуть песню под гармонию?
Мать с отцом довольны встрече.
Рад и сын, но сам не свой...
– Батя, тут же недалече,
Ну давай тулупчик твой.
За курганом ближний хутор.
Плеть – в сундук, за печь – наган.
Посолил краюху круто,
За порог шагнул в буран.
– Свету нет, ождал бы, Ваньша.
Замело – не дай врагу.
– Пеше хаживал я раньше.
Нынче ж Сивку запрягу!
Мать отстала – нету проку
Убеждать больших сынов,
Мать состарилась до сроку
В чередке тревожных снов.
– Н-но, пошла!.. Старушка сивка
Без охоты поплелась.
Греет смелого наливка,
Таает в буре коновязь.
Едет бравый к хуторянке,
Зябко кутаясь в тулуп.
Стонут кованые санки,
Белит иней черный чуб.
Вскинул четверть – «для сугреву» –
Окаянная душа!
Забасил куплет про деву.
Эх, наливка хороша!

Снег – до звезд, не в шутку злится
Дерзких путников гроза.
Спит сердечный. Парню снится
Дом, где синие глаза...

2.

Утром стихло. Кто поверит,
Будто волком выл буран!
Завалило снегом двери
Всех селян и хуторян.
Где-то хутор за курганом.
Где ж ты, радость синих глаз?
Вот он батя – злой, с наганом,
Сани, сени, дом, лабаз...
Испугался не на шутку
Наш вчерашний удалец.
Громогласную побудку
Учинил ему отец.
Обвинял казак наливку –
Никогда такой не пил!
Целовал родную Сивку,
От души благодарил.
Та, усталая, сопела,
Наградной жуя овес,
Понимая будто дела
Дня буранного серьез.
Долго, коротко ль шагала
Сивка поступью хромой,
Но дорогу отыскала,
Как – неведомо – домой.
Довезла-таки детину
По сугробищам к избе...
Вот такую животину
Заведи и ты себе.
...Чтоб не вышло, как с иными,
Слушай да на ус крути.
Ох, с буранами степными,
Самый храбрый, не шути!

Календарь

Смотрю я в зеркало ушедших дней.
В нем буйство торжества и грусти хмарь.
В нем тень того, кто был мне всех родней.

Неумолим настенный календарь.
В том зеркале вчерашний мальчуган,
Всмотритесь – стал серьезней и мудрей.
А злой, неисправимый хулиган
Влюблен, и не найти его добрей.
Вот женщина: морщины, седина.
Ее прекрасен материнский лик.
С ней сын-солдат, у сына – ордена.
Их подвиг прост. И светел. И велик.
Я отрываю прожитый листок,
И отступает чей-то страх. И боль.
Коварный атом вновь рождает ток,
Встречает Грея наших дней Ассоль.
Последний лист в холодном декабре,
Последний день в году. А что за ним?
Там много новых дней в календаре.
Что в зеркале грядущем, поглядим?

31.12.1986 г.

Два настроения

(Из жизни сельского учителя)

1.

Шквал, Урал, девятый вал,
Ветер с полюса.
Лютый посвист разудал,
Громче голоса.
Не пропал, но и не пан
В этой стыни я.
Не вводи меня, буран,
В грех уныния.
Вдоль акаций колея,
Вот и дома я.
А компания моя
Вся знакомая.
Звонко шествует со мной
Имя-отчество,
Да маячит за спиной
Одиночество.

2.

Я со Светлого того
Воскресения –

В чистом поле твоего
Притяжения.
Волей поля не спеша
Тает сердца боль.
Песни вспомнила душа,
Отогрелась, что ль?
Бодрым шагом молодым,
Пережив беду,
С предложением простым
Я к тебе иду.
К сердцу вот моя рука
Прилагается.
Полагаю, будет как
Полагается.

* * *

У них в глазах кровавые боксеры
И неприкрытой сцены грубый след.
Она им – про морозные узоры
И чистый воздух дружбы прошлых лет.
«Сударыня, да вы уж устарели...» –
Читает в новой книжке между строк.
Но снова вдохновенно про апрели
И про взведенный сытости курок.
Теряет высоту квалификаций,
В кругу подворья ведрами звеня.
Лишь сонный шмель поет в тиши акаций
Учительнице завтрашнего дня.

1996 г.

Долги наши

Я вам ландыши вот, Марь Иванна,
Из горелого леса принес.
Вы покой обрели слишком рано
Или я слишком медленно рос?
Долгой к вам получилась дорога
Через уйму времен и пространств.
С фотографии смотрите строго,
Не забыли моих хулиганств?
Вы – в слезах в обезлюдившей школе,
Я причиной тому, как всегда.
У меня, непутевого, что ли,

Сердце каменным было тогда?
Был я вам и семья, и работа –
Сколько, глупый, доставил хлопот!
Вы простите меня, обормота.
Обормот – он и есть обормот...

...Поклонился кресту до земли я,
Застарелая боль отлегла.
На портрете святая Мария
Незлобива, как прежде, была.

Про банный день

Русь моя на праздники богата,
Этот – обойден календарем.
Праздник пара, веника, ушата,
Названный народом банным днем.

Разделите, добрые соседи,
Пополам душистой бани жар.
Поучаствуй в дружеской беседе,
Царь застолья, русский самовар.

Я сравнил бы баню с вечным летом,
Нашей бане вьюга нипочем.
Красота, воспетая поэтом!
Жаль того, кто с нею не знаком.

Жизнь летит стремительно куда-то,
Но одно я знаю наперед:
Праздник пара, веника, ушата
Сохранит великий мой народ.

Монолог хмельного гитариста

Стары, замечу прямо я,
Неловкий деревенщина,
Слова, что, это самое,
Гитара – это женщина.

О этот контур талии,
О сладострастный голос и
Прямые и так далее,
О эти струны-волосы!

О радость мне дарящее,
Манящее и прочее.
О искрами горящее
На грифе многоточие...

Гитара может многое –
Смеяться и печалиться.
И сил придать дороною,
И на планиду жалиться.

Увы, по воле случая
Ударов грубых отзвуком
Дрожащих струн созвучия
Скрипят зубастым лобзиком.

И охают натруженно
Дворовыми воротами,
И кашляют простуженно
Неправильными нотами.

О вы, ее берущие
В охапку и так далее,
Почувствуйте идущее
Тепло от этой талии.

И помните, короче ей
Накручивая локоны:
Гитара же и прочее
Из нежных нитей соткана...

Монолог рыболова

Я блеснил по перволедку,
Осетров ловил впроводку.
Леска – дрянь, крючки – без жала,
А без рыбы – не бывало!
Скажут мне: «Здесь рыбы нет!» –
Натаскаю на обед.
В Каме, правда, стал арканить,
Сом аркан стащил на память,
Жирный, злой, как крокодил,
Чуть меня не утащил.
Но недавно я на сало
Взял пиранью из Урала.
Заглянул зверюге в рыло –

Чуть мне нос не отхватила,
Мне сейчас бы дали волю –
Хоть кита поймать изволю,
Но пока не до рыбалки –
Сам в плену одной русалки.
Суп варю. Обои клею...
И рыбалкою болею.

Монолог стареющего зоолога

Сижу, курю, а жизнь летит, как птица,
Куда-то в невозвратные края.
Чуть-чуть осоловел, и тут же снится
Вся зверобиография моя.
Как много лет походкой старой клячи
По вечерам с работы приходил,
То песий лай, то нежности телячьи
Родным, переступив порог, дарил.
Как с лебединой верностью футболу
По выходным пролеживал диван,
Скача мартышкой, радовался голу
Иль, как верблюд, со зла плевал в экран.
Совиным взором, шаря в Интернете,
Вдруг анекдот про зебру отыскал.
Гусиной кожей вмиг покрылись дети,
Когда гиеной я захохотал.
Как воробьишка, был в еде умерен,
Неприхотлив, как мексиканский мул.
Совсем не часто врал, как сивый мерин,
Начальству, мотивируя прогул.
Когда с утра змеей шипела теща,
Я вел себя спокойно, как удав.
Был как журавлик стройным я и тощим,
А в гневе был я лев, когда был прав.
Да, относил себя к спокойным типам,
Но бой давал рептилиям любым.
Был не подвержен новомодным gripпам –
Ни птичьим, ни собачьим, ни свиным.
Я был, как слон индийский, неуклюжим.
По крови – полунемец, полугрек.
Я сильно сдал, а был, как буйвол, дюжим.
Всё, отыщачил свой рабочий век...

* * *

*Сурово царствует зима,
Кипят в сетях дорожных страсти.
А мы с тобой – в морозной власти
Родного, своего пазьма.
Дом, груши, двор, наш тихий кров
С кормушкой для синичек быстрых,
С рябиной в ярко-красных искрах
Под синевой без берегов.
Судьбы удары и дары,
И – вот под солнцем наше место
Доныне с памятной поры,
Где я – жених, а ты – невеста.*

19.12.2013 г.

Содержание

«Будто зернышко на грядку...»	3
-------------------------------------	---

ЕСЛИ СПАСЕМ

Про дом отцовский.....	6
«Свет счастья в песне жаворонка...»	6
Краса степей.....	7
Всё, что Родиной зовут.....	7
«Стреляйте, белые стволы...»	8
Дикарка.....	8
Бабушка	9
«В степи, в компании овечьей...»	9
«Хлипкие рамы с крестами...»	10
Страна Заречная моя	11
Земля	11
«Под березкой погостить в Есении...»	13
«Бимка, Бимка, глупая собака...»	14
«В молнии, чиркнувшей по небу...»	14
«Взяли бешеный темп года...»	15
Советское	15
Ничей	17
«Подзабытый крещенский мороз...»	17
«День таинственный крещенский...»	18
«Крючки и буквы я писал пером...»	18
Ясень	18
В Кишаловке	19

«Не было школы своей...»	19
У дорожной стелы	20
«Город, не свыкнись никак...»	20
Прабабушкина прялка	21
«За приказом – повестка. Два брата...»	21
Зимняя радуга.....	22
Салют Победы.....	22
У обелиска	23
«В каждом селе – поминальные списки...»	24
Весной сорок пятого	24
«Берегите, и взрослый, и школьник...»	24
«Всё в прошлом, будущего нет...»	25
Как забудешь о войне.....	25
«Хлебнул ты лиха, Александр Зленко...»	26
Марш-бросок	26
1954	27
Эхо	27
«Идет война, а на войне...»	28
«Городка фронтовое наследство...»	28

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

С Овцегодом!	30
«Его восторженно вначале...»	30
Истерический романс	31
Моим студенческим друзьям.....	32
«Вот знать бы мне, пластический хирург...»	33
Про диету.....	33
«Папка может быть картонкой...»	33
«Долгий стол новогодних каникул...»	34
У книжной полки	35

Солнечный удар	35
«Всей деревней встали на лыжню...»	36

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Воспоминания о будущем	38
«Я иду, на рассветный восток...»	38
Романс	38
«Сверкнет, бывает, горячо...»	39
Неправильный январь	39
«Ты хочешь умыться лучами зари...»	40
Колыбельная для любимой.....	40

БОГОМ ДАННАЯ

Закат.....	42
Богдановка	42
Чужой. Перестройка	43
«Дай, Боже, струнам верный строй...»	44
«Звездная картинка...»	44
Деревенская ласточка	44
Кукушкины слезки	45
«На словцо был Колька колкий...»	45
«Жить на земле ему казалось мало...»	46
1 октября.....	47
«Где вы теперь, такие милые бабули...»	47
«Зимней сказки волей свыше...»	48
«Я свой крест нести устал...»	48
«Я давно, в раннем детстве крещен...»	48
Бог простит.....	49
«Средь обыденности городской...»	49
«Мы – особый род и племя!..»	50

Синий лампас.....	50
«Красные, белые...»	51
Буранная история.....	52
Календарь	53
Два настроения	54
«У них в глазах кровавые боксеры...»	55
Долги наши	55
Про банный день	56
Монолог хмельного гитариста.....	56
Монолог рыболова	57
Монолог стареющего зоолога	58
«Сурово царствует зима...»	59

Алексей Васильевич Нихаёв
Согласование времён

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Оформление серии – Василий Денисов
На обложке – рисунок Ксении Шипиловой

Издательский центр МВГ
E-mail: wgmoses@mail.ru
Тел. (3532) 55-41-99.

Подписано в печать 3.08.2017 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»:
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Алексей Васильевич Нихаёв родился в 1962 году в селе Богдановка Тоцкого района Оренбургской области. Выпускник факультета иностранных языков Оренбургского государственного педагогического института (1984 год). Педагог, работник культуры. Его стихи печатались в Тоцкой районной газете «Авангард», областных – «Южном Урале», «Оренбургье», «Вечернем Оренбурге», «Оренбургской неделе», в журнале «Дороги и люди» (Екатеринбург). Отдельные стихотворения и подборки произведений вошли в альманахи «Гостиный Двор», «Башня», а также в коллективные сборники тоцких авторов «Обережный круг», «По тебе, село, слава добрая», «О чем поведала дубрава», «Степь да степь – любимый Тоцкий край», книгу-альбом «Память великая родины малой».

Автор поэтического сборника «Лоскутное одеяло» (Оренбург, 2007 год), сборника стихотворений и рассказов «Ясень» (Оренбург, 2015 год).

Лауреат областной литературной премии имени С.Т. Аксакова, регионального фестиваля авторской песни «Эпицентр добра».

